

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОРАДОВАНИЯ

Каргапольцев С.М.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Гуманистические ориентиры современного образования актуализируют воспитательно/воспитывающую составляющую личностного развития взрослого человека, векторным редоточением которой является, прежде всего, мир широко понимаемой педагогической эмоциональности, где совершенно особое место отводится чувственно-переживаемым реалиям сорадования – высшим, собственно, духовным уровням и формам проявления любви.

На предельно другодоминантную, оберегающую, а потому и сущностно педагогическую, дарующую радость, вплоть до «сердцеодаривания» [2], природе любви в свое время указывал Спиноза: «любовь есть не что иное, как удовольствие (радость), сопровождаемая *идеей внешней причины*... тот, кто любит, необходимо стремится иметь любимый предмет *налицо* и сохранять его (курсив по тексту наш – С.К.)» [3, с. 437].

Европейская история гуманитарного осмысления феномена сорадования восходит к античности и связывается с космологическим термином «симпатия» (от греч. *pathos* – чувство и *syn* – приставка, т.е. чувствовать с кем-то, сочувствовать), выделенным стоиками в качестве «объективной духовной общности всего сущего», позволяющей людям «сочувствовать друг другу» [5, с. 147]. У перипатетиков слово «симпатия» означало «тайное свойство тел, обеспечивающее их родство» [6, с. 263]; по Аристотелю, «все наземное устроится по взаимострастию небесными телами», согласно *sympatheia* (взаиморасположение, взаимострастие) [7, с. 215].

В дальнейшем, вплоть до нашего времени, содержание понятия «симпатия» обретает акцентировано-антропоморфные, нравственные черты и понимается как влечение, внутреннее расположение к кому-чему-нибудь [8, с. 717], способность человека разделять самые разнообразные чувства другого (других) [9, с. 111; 10, с. 338].

Однако как бы исторически многообразно ни трактовалась природа этого неотъемлемого феномена человеческого бытия, большинство ученых, размышляющих над этой, «одной из лучших сторон» [1, с.443] и «самом замечательном из всех качеств» человеческой природы [2, с.367], признавали симпатию синонимом чувства доброты и человеколюбия [3, с. 263], основой непосредственной связи с интересами и жизнью других людей [4, с. 109], источником справедливости, милосердия, чуткости, заботливости, сочувствия, сострадания, гуманности, благожелательности, альтруизма и других социальных чувствований [5, с. 195; 16, с. 94; 17, с. 151; 18, с. 191], побуждающих нас становиться в положение не только наших близких, но и других чувствующих существ, переживать с ними их страдания и радости [1, с. 158].

Смотря по тому, на что направлена симпатия – на радость или на горе другого, в качестве ее «полярных» проявлений выделяются сострадание и сорадование [2, с.93; 21, с. 186], а главным условием возникновения и формой

осуществления которых обосновывается психологический механизм сочувствия (совместного чувствования) [3, с. 164]. Отсюда, наряду с вариативным различием вербальных интерпретаций феномена сорадования – «сорадование» [2, с. 284], «сорадость» (И.Ф. Гербарт) [цит. по 29, с. 252], «совеселие» [3, с. 266], «радость на чужое счастье» (К.Н. Леонтьев) [1, с. 158], широко используется и соответствующая «сочувственная» терминология: «сочувствие радости» [2, с. 179; 25, с. 220]; «сочувственная радость» [6, с. 107]; «сочувствие чужой радости» [7, с. 349]; «сочувствие светлой радости заслуженного успеха» [8, с. 124]; «сочувствие чужому счастью», «со-счастье» [1, с. 159] и т.п.

В дополнение к естественно-дуальному структурированию симпатии, встречается и более расширенное ее разделение – сострадание, сорадование, уважение, благоговение, обращенное к временным параметрам протекания и возникновения симпатических чувствований, где в выделенном восходящем ряду первые две ступени – сострадание и сорадование – «вызываются *временным* успехом или бедствием наших ближних», тогда как уважение представляет собой «*более постоянное* чувство», которое, достигнув высшей степени своего развития, переходит в благоговение [2, с. 172]. В этом отношении, в преимущественно-восхитительном ракурсе преобразующего возвышения души великие гуманисты рода человеческого отмечали: «Искреннюю радость доставляет человеку возможность восхищаться кем-нибудь; ничто так не возвышает его – хотя бы на короткое время – над всеми мелочными условностями, как искреннее восхищение» [2, с. 329]. Отечественная психолого-педагогическая традиция также подчеркивает нравственную значимость и образовательные приоритеты развития сорадования как важнейшего фактора/условия реализации гуманистических идеалов воспитания [1;5].

Как представляется, в европейской гуманитарной традиции термин «сорадование» впервые обозначен в Библейском тексте, обращенному к божественной сути возвышающее-преобразующего, сорадующегося Истине функционала любви (1 Кор.:13). В отечественной терминологической практике аналогичное сорадованию словосочетание «радость благополучию другого» встречается в конце XVIII в переводной «Книге премудрости и добродетели...»: «Когда увидишь добро, случающееся достойному оною, то возрадуешься о том: ибо добродетель благополучна при благополучии добродетели. Кто радуется благополучию другого, тот умножает чрез то собственное» [4, с. 65].

В нравственном отношении сорадование считается более человеческим, человеческим эмоциональным проявлением, нежели сострадание: «Сорадование несравненно выше и благородней в нравственном отношении, чем сострадание» [3, с. 147], поскольку «сочувственная радость связана с возвышением дорогого существа, с умножением его энергии и силы» [4, с. 109]; «счастье, довольство других делает и нас счастливыми, довольными» [5, с. 170], а потому «приятным моментом бывает лишь сорадование» [6, с. 253]. Торжествующим гимном сорадованию звучат слова известного немецкого педагога-гуманиста Ж.П. Рихтера: «Для того, чтобы сострадать, нужно быть человеком, но для того, чтобы сорадоваться, нужно быть ангелом» [цит. по 7, с. 954].

Считается, что люди более расположены проявлять сострадание, чем со-

радование, и что последнему во многом «мешает» человеческая зависть, как одна из сдерживающих причин [2, с. 164; 20, с. 95; 33, с. 147; 38, с. 34]. Проницательный Ж.Ж.Руссо в этой связи утверждал: «Зрелище счастливого человека внушает другим не столько любовь, сколько зависть... да и самолюбие наше страдает от сознания, что этот человек в нас не нуждается» [цит. по 3, с. 209]. Аналогичную точку зрения высказывал И.Гобчанский (1904): «А может быть, мы потому более возбуждаемся страданием и печалью других, чем их удовольствием и радостью, что в первом случае нужно что-нибудь сделать, нужна помощь, тогда как чужое чувство удовольствия именно показывает, что все обстоит благополучно?» [4, с. 164]. К причинам сравнительной «редкости» сорадования в нашей жизни Ф.Тома относил языково-речевые, связанные явно не «золотым веком» истории человеческой жизни: «Для выражения симпатии к страданию у нас есть точные слова, отличающиеся друг от друга своим внутренним смыслом, а именно сострадание, соболезнование, жалость, тогда как сочувствие чужому счастью выражается *общими и неопределенными словами*. Дело в том, что, при самом возникновении языка, люди обращали особенное внимание на столь частое потрясающее зрелище несчастий своих ближних, испытывая потребности отметить их, чтобы сообщить другим, а быть может оказать более действенную помощь» [1, с. 159].

Вполне понятно, что формирование способности к сорадованию, воспитание симпатических чувствований как таковых у ребенка и взрослого не могло не быть предметом исследований философов, психологов и педагогов, оставивших довольно обширное текстовое наследие по этому вопросу.

В своих онтогенетических проявлениях симпатическое чувство, в том числе, в гуманистическом позитиве сорадования, поначалу возникает и развивается в *непосредственном* общении с близкими людьми (родители, сверстники, друзья) и существенно зависит от степени сходства между субъектом и объектом симпатии: по характеру, положению, образованию, возрасту, внешности и т.п. [4, с. 502; 42, с. 263; 43, с. 277; 14, с. 108; 44, с. 77; 36, с. 253], изменяясь в своем становлении в параметрах «глубины (силы) и... широты захвата» [5, с. 82], распространяясь на незнакомых людей и, тем самым, расширяя «круг симпатии» [4, с. 69], исходя из круга семьи как из центра [23, с. 166]. Подчеркивается атрибутивность феноменов «любви, привязанности и нежности» как для ее развития, так и для практического осуществления [1, с. 451; 7, с. 82; 48, с. 107].

В педагогическом плане отмечается важность и необходимость проникающего присутствия любви, любящего отношения – и как показателя определенного уровня нравственного развития личности, и как условия возникновения данного уровня (формы) симпатии: «Сорадование служит доказательством не только того, что ты *чист от зависти*, но и того, что в сердце твоём укоренилась любовь» [49, с. 296]. Чтобы сорадоваться кому-нибудь, необходимо быть с ним связанным какими-нибудь нежными узами – любви или дружбы; в противном случае «человек или холодно относится к чужой радости, или завидует ей, даже печалится по поводу ее» [6, с. 106]. «Вообще, истинное сочувствие радости ближнего возможно лишь *между старыми и добрыми друзьями*, но

даже и тут, против собственной воли, иногда проскальзывает зависть к счастливому другу» [5, с. 125].

Немаловажен и зрительный (наглядный, выразительный) аспект: «Чтобы дети ваши не знали, что то есть зависть, и *любили видеть других счастливыми*» [5, с. 95]. Причем и в воспитательно-эстетическом преломлении присутствует непреложная (семейно расширяющаяся) максима: «Вид очень счастливого человека доставляет нам истинное счастье лишь в том случае, если мы сильно любим его» [2, с. 195].

Совершенно незаменима роль родительской любви: «В детях своих родители зрят продолжение своего личного «Я», продолжение, дающее их личности возможность бесконечного существования... и если когда-либо человек испытывает чувство радости в виду открывшегося таланта или какой-либо иной собственности у другого человека, то это бывает только в тех случаях, когда этот другой человек бывает так же дорог этому человеку, как его собственное «Я»; как это, например, бывает в случае горячей родительской любви» [3, с. 120].

Симпатия невозможна без развитого, «построительного» (В. Серебrenников) воображения, которое дает возможность ясно представить положение другого, мысленно поставив себя на его место [3, с. 275; 54, с.296], что приводит к возникновению «сочувственных ощущений», т.е. тех же самых, только в слабой степени, чувств, которые пробудились бы в нас, если бы мы сами находились бы в этом положении [5, с. 356; 56, с. 256].

Совершенно необходимым фактором является расширение опыта переживаний, умственное развитие, активное упражнение в деятельно выражаемом сочувствии. Однако исходным фактором является непосредственное общение с другими и, более всего, со «значимыми другими» [7, с. 15; 45, с. 82].

Важнейшим условием возникновения симпатических чувствований является наличие внешней выраженности человеческих переживаний – в звуке, мимике, жесте и т.п.[5, с. 284], которые понимаются как «главнейшие проводники симпатии» [5, с. 164]. В связи с чем подчеркивается необходимость знания (понимания) внешнего выражения чувств (экспрессии) для генезиса симпатических чувствований [6, с. 15]. Особое значение в этом отношении приобретает лицо человека: «При одном взгляде на состояние другого, даже при одной мысли об этом состоянии, человек может настроить свое сердце так, как оно настроено в другом, и таким образом может входить в состояние других лиц, радоваться с радующимися, скорбеть и плакать с плачущим» [1, с. 146], а также: [6, с. 262; 19, с. 161; 62, с. 200]. При этом подчеркивается приоритет сорадования в развитии симпатических чувств: симпатию укрепляет *постоянное участие в радостях ближнего* и ослабляет все, что этому препятствует [63, с. 71]. Определяющую роль также играет фактор подражания идеальным проявлениям симпатических чувствований близких [4, с. 108; 65, с. 128] и упражнения в соответствующем поведении; в интересующем нас отношении «наиболее простая и ясная форма этого упражнения состоит... в возбуждении *симпатии к удовольствиям ближних*. Путем таких упражнений развивается привычка интересоваться окружающими нас лицами» [6, с. 365].

А потому в воспитании симпатических чувствований «нельзя ограничиться одним образованием нравственных понятий, потому что тогда мы будем иметь понятия, но не будем следовать им в жизни... только реальные переживания, упражнения в нравственных и симпатических чувствованиях создадут действительно нравственную личность» [7, с. 145].

Таким образом, обращение к педагогическому наследию – мировому и отечественному – раскрывает безусловную значимость педагогической инструментальной процессу становления и развития чувства сорадования как определяющего фактора гуманизации личности взрослого человека, который, пока еще, не занял соответствующее место в целевой содержательности личностно-ориентированного образования.

Список литературы

1. **Абраменкова, В.В.** Сорадование и сострадание в детской картине мира / В.В. Абраменкова. – М.: ЭКО, 1999. – 224 с. – ISBN 5-934800-03-5.
2. **Сухомлинский, В.А.** Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский // Сухомлинский, В.А. Избранные педагогические сочинения ; Сост. О.С.Богданова, В.З.Смаль. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1979. – С. 25–266.
3. **Спиноза, Б.** Этика // Спиноза. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – С. 325–591. ISBN 5-222-00033-8.
4. **Сухомлинский, В.А.** Рождение гражданина // Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: В 3-х т. Т.1. / Сост. О.С.Богданова, В.З.Смаль. – М.: Педагогика, 1979. – 560 с.
5. Книга премудрости и добродетели или Состояние человеческой жизни. Индейское нравоучение. В семи книгах. / Пер. Вас. Подшивалова. – М.: В университетской типографии Новикова, 1786. – Ч.II. – 90 с.
6. **Гаврилова, Т.П.** Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков // Психология межличностного познания / Под ред. А.А.Бодалева. – М.: Педагогика, 1981. – 222 с.
7. **Березкина-Орлова, В.** Этика прикосновения / В. Березкина-Орлова. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: / http://telesnost.ru/terapiya/etika_prikosnoveniya.htm – 29.12.2012.
8. **Бубер, М.** Два образа веры / М. Бубер. – М.: Республика, 1995. – 464 с. – ISBN 5-250-02327-4. **Вознесенский, А.А.** Лирика / А.А. Вознесенский. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с. – ISBN 978-5-699-03330-0.
9. **Ушаков, Д.Н.** Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2009. – 960 с. – ISBN 978-5-903036-99-8.